

Pototskis and the Kossakovskis in compliance with the major stylish canons and the succession principle. Some slight fragments of the ensemble have been preserved.

Поступила в редакцию 17.02.2014 г.

УДК 72.03(476)

ДИАЛОГ В ПРОЕКТНЫХ СТРАТЕГИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ **Шамрук А.С.**

доктор искусствоведения, заведующий сектором современной мировой архитектуры и дизайна, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»

В современной мировой архитектурной и градостроительной практике актуализируются проектные стратегии, ориентированные на диалог с историей, сложившимся контекстом и человеком. Новые концепции проектирования направлены на сохранение историко-культурного потенциала городов, «духа места», на развитие художественно-семантических значений и исторических прообразов зодчества. В стратегиях, основанных на диалоговом мышлении, позиционируется установка на удовлетворение реальных запросов людей, совершенствование жилой среды, создание современной инфраструктуры, коммуникаций, общественных пространств.

Введение. В мировой градостроительной теории и практике в настоящее время происходит активный поиск урбанистических стратегий и моделей города, ориентированных на идеалы новой эпохи и, одновременно, на традиционные ценностные критерии. Постиндустриальная эпоха, активизировавшая процессы глобализации и обозначившая значительные сдвиги в коммуникативной, технической, социокультурной сферах общества, актуализировала проблемы, связанные с устойчивым развитием, удержанием жизненной средой человека традиционных качеств и критериев, сохранением локальной специфики культурных ландшафтов разных регионов мира, достижением гармонии искусственной и природной среды. В проектных практиках разных архитектурных школ мира прослеживается ориентация на гуманизацию деятельности по формированию жизненной среды человека с учетом новых реалий и приоритетов. Стратегии со-

временной урбанистики направлены на сохранение историко-культурного потенциала городов, памяти и «духа» каждого конкретного места, на развитие художественно-семантических значений исторических прообразов зодчества и поиск новой идентичности. После архитектурных экспериментов XX века по реализации жизнестроительных утопий, идеологических мифологем, по сведению творческих проблем архитектуры к задачам индустриального домостроения, языковым играм постмодернизма, идеям деконструкции, сегодня зодчими всего мира все более четко позиционируется антропосохранная ориентация проектной деятельности. Ее своеобразие состоит в удовлетворении реальных запросов и пожеланий разных социальных групп людей, в ориентации на сохранение экологического равновесия среды. Доминировавшая в последние десятилетия в мировой проектной практике идея создания уникальных имиджевых объектов с ярким аттрактивным образом все чаще уступает место проектам, созданным в результате исследовательской работы и ориентированным на диалог с историей, сложившимся контекстом и человеком.

Основная часть. Приоритетами градостроительной деятельности в разные периоды истории было сооружение стилистически и композиционно целостных ансамблей, для которых необходимо было снести старую застройку, проложить новые планировочные оси. В эпоху модернизма получили распространение представления о городе как об идеально функционирующем механизме, в результате чего повышенное внимание урбанистов было обращено к вопросам его

функциональной организации и решению транспортных проблем. Города застраивались крупномасштабными массивами высотных домов, окруженных немасштабными человеку пустынными пространствами. В результате градостроительной политики, при которой недооценивались такие приоритеты как роль исторического и природного контекста, человека как адресата архитектуры, оказались утраченными многие традиционные ценности города, стала ощутимой угроза его социальным и культурным функциям.

В новейших градостроительных стратегиях, изменившихся со времен индустриализации 1960–1970-х гг. и учитывающих опыт средового подхода и концепции контекстуальности, актуализируется категория диалога. В отличие от свойственной модернизму монологичности урбанистических стратегий, приверженности к демиургическим акциям, направленным на кардинальное переустройство архитектурно-пространственной среды и социальной сферы человека, архитектура и градостроительство последних десятилетий ориентируются на принципы диалога (или полилога), условием которого являются терпимость и уважение к следам истории и разным формам высказывания, стремление к сохранению «духа места», допустимость одновременного звучания разных тем и голосов. Контрапунктическое звучание становится характеристикой новых градостроительных образований в отличие от стилевой и композиционной целостности классических ансамблей и построек модернизма. В основе многих современных урбанистических теорий и манифестов лежит обращение к традиционной градостроительной культуре, возрождение ее принципов и критериев. В качестве приоритетов движения нового урбанизма прогрессивные архитекторы позиционируют традиционную городскую ткань и те базовые модели города, в которых мерой измерения выступает человек.

В стратегиях, основанных на диалоговом мышлении, позиционируется установка на развитие историко-культурного потенциала города и морфотипов городской структуры. Современная урбанистика апеллирует в большей степени к уплотнению уже существующей среды с сохранением ее исходных планировочных осей, существующих связей и построек, модернизацию, созданию новой инфра-структуры, обеспечивающей высокие эксплуатационные качества существующей архитектурной среде, сохранению в городе свободных пространств для общественной активности. В градостроительной практике последних десятилетий наблюдается снижение актуальности составления долгосрочных генпланов, концепции функционального зонирования, и обращение к разработке индивидуальных инфраструктурных решений для каждого конкретного города и района, максимально полно учитывающих реальные потребности жителей и условия контекста.

Новые градостроительные образования формируются из памятников разных эпох и стилей, ориентируясь не на критерии композиционного и стилевого единства, а на принципы полифонии, при которой каждый голос, каждая тема, вплетаясь в непрерывную ткань городской среды, сохраняет свою самостоятельность и относительную независимость. Основанные на диалоговом мышлении проектные стратегии позволяют создать многоголосое единство из разновременных составляющих среды, создать ощущение естественной смены и преемственности поколений, уважения к истории и сохранения урбанистической памяти города, в то же время – открытости будущему развитию. Диалоговое мышление проявляется в согласовании строящихся объектов с окружением, не нарушающем условия его восприятия, не вызывающем масштабных диспропорций и стилевых искажений, в формировании дружественной и привлекательной для людей среды.

В последние десятилетия XX в. появилось большое количество исследований о влиянии города на человека, результатом которых стало рождение новых урбанистических стратегий, идея которых заключается в переориентации проектной деятельности на человека – его масштаб, реальные потребности и условия жизни. Проблеме создания городов, привлекательных для туристов и комфортных для жителей, посвящены теоретические труды и практическая деятельность датского архитектора Яна Гейла, идеалом которого является живой, безопасный, устойчивый и здоровый город [1]. Свои идеи Гейл воплотил в преобразовании среды Копенгагена, Мельбурна, Нью-Йорка и других городов, создав в них привлекательные для людей общественные зоны. Архитектурный критик и писатель В. Рыбчинский отстаивает мысль о том, что городское планирование должно отказаться от модернистской идеи до мелочей распланированного города и ограничиться базовой схемой пространственной и функциональной организации, позволив затем городу развиваться самостоятельно. На примере израильского города Модиина, спроектированного Моше Сафди, автор демонстрирует, что «для создания удобного и «зеленого» города не обязательно нужны новейшие технологии и радикальные архитектурные концепты: иногда достаточно разнообразия, здравого смысла и доверия к людям, которым в таком городе предстоит жить» [2].

Прогрессивный опыт реализации диалогового мышления в градостроительном проектировании накоплен голландскими архитекторами, которые включают в круг своих профессиональных задач не только проектирование зданий, но и программирование среды, разработку сценариев жизни в городском пространстве, рассчитанных на конкретных людей. Архитекторы выступают одновременно в качестве инженеров, социологов, культурологов, художников и исследователей, используют возможности работы со специалистами разных профилей и инициа-

тивы жителей. Использование опыта взаимодействия с общественностью является важным направлением новых урбанистических стратегий.

В современной архитектурной практике Беларуси ориентация на диалог с контекстом и человеком пока не стала нормой проектирования. Возведение в центральной зоне Минска ряда крупномасштабных объектов привело к смещению масштабных соотношений существующей застройки, разрушению художественной выразительности ранее сложившихся ансамблей. Реконструктивные мероприятия с созданием новой системы благоустройства в ряде белорусских городов разрушили «дух места», снизили привлекательностьлюбимых жителям уголков городской среды – на площади Свободы в Минске, улице Советской в Бресте. Непродуманные и чрезмерно активные элементы благоустройства нарушили естественную гармонию выразительных природных ландшафтов при реконструкции парков, обустройстве набережных – в благоустройстве дворцово-паркового комплекса в Гомеле, в создании системы лестничных спусков, мостиков, набережных в историческом центре Витебска. Не нашла отклика в градостроительных мероприятиях белорусской столицы актуальная сегодня тенденция создания живого, доброжелательного людям города с привлекательной безбарьерной средой, располагающей к общению и пешеходным прогулкам.

Разрушительной акцией стало возведение гостиницы «Кемпински» на центральном отрезке ансамбля проспекта Независимости, при пересечении его с зеленым диаметром вдоль набережной реки Свислочь (арх. С. Чобан, С. Кузнецов, 2014 г.). Пространственная пауза, открывавшаяся после участка периметральной застройки живописными перспективами с парковыми зонами, придавала ансамблю проспекта особую выразительность, внося в его монументальный репрезентативный

строй элемент естественной гармонии и живописности. Новое здание отеля разрушило этот художественный эффект, в результате чего ансамбль проспекта утратил часть своей привлекательности как целостного художественного объекта.

Огромный по масштабу объем жилого дома по ул. Сторожевской формирует негативный фон для камерной застройки Троицкого предместья, воспринимается неуместной доминантой в окружении исторических памятников Верхнего города (арх. О. Ладкин, 2012 г.). Возврат к неактуальному сегодня постмодернизму в использовании шатровых башенок в завершении здания не решает задачу развития исторического контекста, подчеркивая неуместность соседства с аутентичными памятниками. Отсутствие единой градостроительной концепции читается в современной застройке проспекта Победителей. Это проявляется в масштабной, стилевой и композиционной несогласованности отдельных объектов, в отсутствии продуманной программы проспекта как структурного звена города, ориентированного не только на транзитный транспорт, но и на пешехода. Новая часть проспекта застраивается отдельными, не связанными общей концепцией крупномасштабными сооружениями и не предполагает создание системы сомасштабных человеку общественных пространств. Эффект дисгармонии в общем восприятии формирующегося ансамбля вносит здание торгового центра «Замок», в гипертрофированном масштабе позиционирующее китчевый вариант провинциального постмодернизма. В результате возведения высотного комплекса «Славянский квартал» (арх. В. Рондель, В. Петров, С. Хмельницкий, 2012 г.) нарушены условия восприятия одной из лучших построек Минска 1970-х гг. – института Белгоспроект (арх. В. Малышев). Окруживший здание Белгоспроекта комплекс закрыл его со стороны главного фасада «барбаканом», разрушив пространство, сформированное динамичны-

ми формами объема-трилистника. Новый масштабный ориентир в застройку проспекта, сформированную в 1960–1980-е гг., внес высотный корпус административно-торгового центра «Роял-плаза» (рук. арх. Б. Школьников, арх. Е. Бородавко, В. Буто, 2013 г.). Современное здание, выразительно читающееся с далеких панорамных точек, обозначило новые перспективы развития проспекта, нарушив вместе с тем условия восприятия сложившегося ансамбля.

В результате возведения вокруг кургана с обелиском городу-герою Минску здания музея Великой Отечественной войны (арх. В. Крамаренко, 2013 г.) классическая форма кургана оказалась подверженной деконструкции. Разнонаправленные плоскости фасадов музея и «завалившийся» купол создают не запланированный эффект проседания земли и неуместной хаотичности общей композиции, а сам курган утрачивает чистоту формы, несущей собственную семантическую значимость. Соединение двух разных по характеру элементов – музея и кургана – воспринимается скорее компромиссом, нежели диалогом, способным генерировать новое художественное качество.

Ориентация застройки на скоростной транспорт и отсутствие масштабных связей с пешеходом читаются в решении внешнего облика торгово-развлекательного комплекса «Арена» (2012 г.). Рассчитанные на восприятие с движущегося транспорта ангароподобные крупномасштабные объемы с пластически не проработанными фасадными поверхностями не предусматривают их восприятия с пешеходного уровня, не способствуют формированию сомасштабного человеку пространства, что является актуальной проектной задачей при создании общественных зон в мировой практике.

Новый тип проектного мышления, ориентированного на диалог истории и современности, продемонстрировала концепция сохранения и развития ком-

плекса Брестской крепости, разработанная в 2013 г. группой специалистов из Австрии, Нидерландов, Беларуси, России под руководством австрийского музеолога Дитера Богнера. Предложенный разработчиками мастер-план показал высочайший профессионализм в работе с памятниками историко-культурного наследия, в создании музейных комплексов и актуальных общественных пространств, виртуозно соединив две основные задачи – сохранить в аутентичном виде памятник истории и вдохнуть в него современную жизнь. Концепция, представляющая собой гибкую структуру, открытую для корректировок, предлагает многофункциональное использование территории крепости, включая историческую, культурную и природную составляющие. Предложения по развитию комплекса ориентированы на максимальное сохранение следов исторической памяти, связанной с древним Берестьем и крепостью Брест-Литовск, и его функционирование как актуального туристического, мемориального, культурно-образовательного, рекреационного центра и общественного пространства, привлекательного для туристов и местных жителей. Концепция международного коллектива авторов разработана в ответ на предложенную ранее программу формирования историко-культурного центра на территории крепости, беспрецедентную по варварскому отношению к истории. Она предлагала сооружение на культурном слое древнего города развлекательного аттракциона «в духе старины». Выполненный брестскими архитекторами проект предполагал возведение на месте существующих Тереспольских ворот со следами войны новых ворот образца 1914 г. с пешеходным мостом и парадной набережной.

Диалоговое мышление актуализируется в современной архитектуре и в связи с задачей поиска новой идентичности, укорененной в локальной культуре и традиционных представлениях человека о жизненной среде. Смещение ак-

цента традиционалистских поисков к проблеме идентичности свидетельствует об изменении ориентиров от интерпретации внешних признаков традиционности к поиску способов придания инновационной архитектуре традиционных качеств на глубинном уровне. Традиционные материалы и характерные детали, привычные типы пространств и форм, сложившиеся сценарии движения трансформируются современными архитекторами в соответствии с новыми жизненными реалиями, эстетическими идеалами, творческими концепциями.

Заключение. Смысл диалога как проектной стратегии состоит в рождении нового художественного качества, нового архитектурного языка, развивающих художественно-семантические значения прошлого и соответствующих современному мировоззренческому контексту и новейшим концепциям в проектировании. Развитие в архитектуре не может состояться без творческого диалога старых и новых форм, традиционного жизненного уклада и новых жизненных реалий, традиционных материалов и новых строительных технологий.

Литература:

1. Гейл, Ян. *Города для людей / Ян Гейл; пер. с англ.; концерн «КРОСТ» // М.: Альпина Паблишер, 2012. – 276 с.*
2. Рыбчинский, Витольд. *Городской конструктор: идеи и города. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strelka.com/blog_ru/makeshiftmetropoli/?lang=ru. Дата доступа 11.02.2014.*

DIALOGUE IN DESIGN STRATEGY OF MODERN ARCHITECTURE

Shamruk Alla

Belorussian National Technical University

In modern world architectural and town-planning practice the design strategy focused on dialogue with history, the developed context and the person are staticized. New design strategy are directed on preservation of historical and cultural capacity of the cities, "spirit of a place", on development of art and semantic values and historical prototypes of architecture. In the strategy based on dialogue thinking, installation on satisfaction of real inquiries of people, development and improvement of the inhabited environment, creation of modern

УДК 725 (476)

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ ТРАДИЦИИ В САКРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ И ИКОНЕ НА ПОГРАНИЧЬИ ХРИСТИАНСКОГО ЗАПАДА И ВОСТОКА**Устинович Е.**

профессор, доктор архитектуры, заведующий кафедрой «Архитектура Локальных Культур» архитектурного факультета Белостокского технического университета

Polska leżała na terenie kulturowego i religijnego pogranicza od zawsze. Po części należała do kultury łacińskiej, zachodnio-katolickiej, po części do greko-słowiańskiej, wschodnio-ortodoksyjnej. Choć rozejście się obu Kościołów – Zachodniego i Wschodniego – stało się bolesną i dość trwałą cesurą w historii chrześcijaństwa, to jednak od niedawna wraz z wyostreniem świadomości ekumenicznej, coraz częściej ujawnia się ich pewne wzajemne zainteresowanie. Rejestrujemy żywe symptomy wymiany wartości i różnych form religijnego kultu. Działo się tak już nie raz ze sztuką, zwłaszcza ze sztuką ikony i architektury sakralnej, szczególnie ikony monumentalnej pisanej na ścianach zachodnich gotyckich kościołów w epoce pierwszych Jagiellonów oraz bizantyjsko-gotyckiej architektury cerkwi litewsko-białoruskich i ukraińskich XV-XVI w.

Dawne przykłady syntezy sztuki prawosławia z gotykiem mają dziś swoją kontynuację w architekturze i witrażowych ikonach. Praca przedstawia przykłady tej interakcji jako wewnętrznego dialogu tradycji prawosławia w Polsce.

Польша расположена на границе, которая делит Европу на латинскую, западно-католическую часть, и на византийскую, греко-славянскую. Пограничье христианского Запада и Востока - это не новое явление в истории Польши. Примерами являются: проникновение музыкальной культуры Польши на Украину и в Россию, влияние схоластической теологии в Киеве и Москве за Петра Могилы в XVII в., включение ренессансных и барочных элементов в церковную архитектуру и искусство. Но самым интересным являются русско-византийские росписи в готических костелах и готические влияния в архитектуре литовско-белорусских церквей XV-XVI вв.

История. Примером могут служить сохранившиеся по сей день русско-византийские фрески в готических храмах нашего восточного приграничья. Как, например, основанная королем Ягеллой роспись часовни Святой Троицы в Люблине 1326 г., все стены и своды которой в 1418 г. русские художники расписали прекрасными иконами (рис. 1, см. цветн. вкладку). Или же построенная королем Казимиром Великим в 1350 г. кол-

легиата в Вислице, на стенах которой сохранились фрагменты византийской иконографии, датируемой ок. 1400 г. Или сандомежская кафедральная базилика Рождества Пресвятой Девы Марии, пресвитерий которой ок. 1423 г. был расписан такими же замечательными иконами (рис. 2, см. цветн. вкладку). Или же, наконец, так называемая ягеллонская часовня Святого Креста и Святого Духа в кафедральном соборе на Вавеле, в одном из наиважнейших мест – символов истории Польши. Здесь, в 1467–1477 годах, в основанной королем Казимиром IV Ягеллона готической часовне, считающейся одним из ценнейших помещений собора, возникла худо-жественная декорация русско-византийской псковской школы XV века (рис. 3, см. цветн. вкладку). Эти замечательные картины прекрасно соответствуют готической геометрии сводов. Их неповторимая красота основана на синтезе, на гармонической связи между готической архитектурой и иконой.

Вторым примером могут служить церкви XV-XVI вв. – особой типологической группы византийско-готических, оборонных церквей. В эту группу включаются знаменитые церкви: в Вильнюсе, Сынковичах, Супрасле, Мурованке, Кодне, Бресте.

Храмом, особенным в той же группе церквей, является православная монастырская церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Супрасле (1503-1511). Это – явление в истории архитектуры. Совместно с церквями в Сынковичах и Мурованке, относящимися к рубежу XV-XVI вв., она создавала особую типологическую группу византийско - готических,